

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

DOI 10.24411/2076-8176-2019-12000

«100-летний юбилей Н.В. Тимофеева-Ресовского»

(Глава 103 из книги воспоминаний
Жореса А. Медведева «Опасная профессия»)

ЖОРЕС А. МЕДВЕДЕВ

В этой главе воспоминаний Жореса А. Медведева «Опасная профессия» рассказывается о событиях 2000 г. В начале главы учёный вспоминает о своем участии в различных мемориальных конференциях и симпозиумах, посвящённых 100-летию со дня рождения Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского и проводившихся в различных научных центрах России. Далее Медведев сообщает о подготовке к изданию совместно с братом Роем Медведевым новой книги «Неизвестный Сталин». В 2000 г. Жорес Медведев завершил вторую часть книги под заглавием «Сталин и ядерное оружие», в которой он рассказывал о первой ядерной аварии в СССР, случившейся в 1949 г., и о её тяжелых последствиях. В следующих абзацах рассказывается о политической судьбе Г.И. Скляра, бывшего сопредседателя (вместе с Р.А. Медведевым) Социалистической партии трудящихся. Начиная с августа 2000 г. и в течение двух лет он играл очень существенную роль в реализации реформ в современной России. Далее Медведев описывает, как с конца 1999 г. его брат, Рой Медведев, писал книгу о В.В. Путине. Его первая книга, «Загадка Путина», имела успех и за границей, что и побудило автора подготовить расширенное издание. В конце главы Медведев объясняет, почему в 2000 г. он сократил работу по проблемам экономики и политики в России и стал писать очерки о проблемах питания, специфических прежде всего для людей пожилого возраста.

Ключевые слова: Жорес А. Медведев, Рой А. Медведев, Николай В. Тимофеев-Ресовский, Иосиф В. Сталин, атомный проект, Геннадий И. Скляр¹.

По научной традиции ЮНЕСКО отмечать юбилеи великих учёных 2000 год был объявлен годом Н.В. Тимофеева-Ресовского. В сентябре к 100-летию со дня рождения

¹ Резюме и ключевые слова выпускающих редакторов — *Примеч. ред.*

Николая Владимировича его многочисленные ученики стали инициаторами мемориальных конференций и симпозиумов, проводившихся в различных научных центрах. Первое приглашение для выступления с воспоминаниями о Николае Владимировиче я получил из Калуги. Здесь организовывали конференцию учёные из Института медицинской радиологии в Обнинске, где он работал и жил с 1964 до 1981 г. К ним присоединялись калужские краеведы, изучавшие многовековые родовые корни Тимофеевых-Ресовских в Калужской губернии (по матери Николай Владимирович происходил из знатного рода князей Всеволожских). Институт генетики и Генетическое общество Беларуси проводили 1–3 сентября конференцию в Минске. Украинское общество радиоэкологов, совместно с МАГАТЭ, отмечало этот юбилей в Киеве. В октябре юбилей Тимофеева-Ресовского отмечался Армянской академией наук, а несколько раньше, 21–22 сентября, немецкие учёные, ученики учеников и бывших сотрудников Николая Владимировича проводили мемориальную конференцию в Берлине-Бухе, где на базе существовавшей до 1945 г. лаборатории генетики и биофизики Тимофеева-Ресовского возник и работал Центр молекулярной генетики им. Макса Дельбрюка. Перед его входом на постаменте установили бронзовый бюст Тимофеева-Ресовского. В России была учреждена поощрительная медаль «Биосфера и человечество» имени Н.В. Тимофеева-Ресовского, которой в первую очередь в 2000 г. награждались бывшие сотрудники его лаборатории в Обнинске. На доме в Обнинске, где жили Николай Владимирович и Елена Александровна, была установлена мемориальная доска.

Для меня наиболее интересной являлась юбилейная научная конференция Российской академии наук «Современные проблемы радиобиологии, радиоэкологии и эволюции», которую организовывал в Дубне Владимир Иванович Корогодина, радиобиолог, создавший в 1961 г. отдел радиобиологии в новом Институте медицинской радиологии (ИМР) в Обнинске и пригласивший в 1962 г. меня для организации в этом отделе лаборатории молекулярной радиобиологии. В 1963 г. по рекомендации Корогодина дирекция Института пригласила Тимофеева-Ресовского, в то время работавшего в Свердловске, для создания лаборатории радиационной генетики (см. главы 3–5). Мы с Владимиром Ивановичем стали близкими друзьями. Он, как учёный, получил известность открытием в 1957–1959 гг. «**пострадиационного восстановления**» — способности клеток, находящихся в митотическом покое, восстанавливаться от радиационных повреждений. Это открытие послужило в последующем основой новых направлений в радиационной генетике и в биохимии ДНК. После увольнения Тимофеева-Ресовского на пенсию в 1969 году (см. главы 10–11), Корогодина переехал в Дубну, где возглавил Биологический отдел международного Объединенного Института ядерных исследований (ОИЯИ), основателем которого был легендарный академик И.В. Курчатов.

Из Москвы в Дубну, расположенную в 120 км от Москвы на берегу Волги, курсировала с Савеловского вокзала без остановок электричка, дополнительно оборудованная туалетами, отоплением и буфетом. Это был мой третий визит в знаменитый наукоград. Первый раз я приезжал в Дубну в 1967 г. для участия в научной конференции, второй раз в 1991 г. при подготовке лекции и очерка «*Взлет и падение большой советской науки*» (см. главу 77). Владимир Корогодина в то время уже жил и работал в Дубне, и я останавливался в его квартире. Сейчас для участников конференции, которая планировалась как международная, резервировались номера в главной гостинице города. Дубна, по сравнению с трудным 1991 г., заметно возродилась, но не за счёт ОИЯИ, а в результате появления в городе нескольких высокотехнологических производств, частных предприятий по электронике и создания филиалов московских институтов

и вузов. Однако Владимир Иванович Корогодина, ему недавно исполнилось 70 лет, за девять лет с нашей последней встречи, сильно постарел и выглядел нездоровым. Основную работу по организации конференции вела его жена Виктория.

Для проведения конференции как «международной» её организаторы надеялись на получение гранта от фонда «Открытое общество» Джорджа Сороса: «Мы сейчас будем обращаться в фонд Сороса, чтобы постараться найти деньги для приглашения учеников Н.В. из многих отдаленных мест... Если этот грант мы не сможем получить, то будем придумывать по-другому», — писала мне в начале года жена Корогодина, учёный секретарь конференции. Надежды на получение денег от Сороса, однако, не оправдались. Россия, быстро выходявшая при президенте Владимире Путине из финансовой и политической зависимости, не могла теперь рассчитывать на благотворительность американских меценатов. Иностранцев участников на конференции в Дубне не было, и программа заседаний оказалась сильно сокращённой.

Сталин и атомная бомба

Я уже писал в предыдущих главах о нашем с Роем проекте новой книги «Неизвестный Сталин», договор на издание которой был уже заключён с московским издательством «Права человека». Мои главы для этой книги «Загадки смерти Сталина», «Сталин и Лысенко», «Секретный наследник Сталина» и «Сталин как русский националист» были уже готовы и публиковались с сокращениями в газетах и журналах. Была готова и наша общая с Роем глава о судьбе личного архива Сталина, который был, судя по многим признакам, уничтожен его ближайшими соратниками. Рой также уже закончил свои очерки-главы о ранее неизвестных событиях — секретной переброске в ноябре 1941 г. более десяти дальневосточных дивизий для битвы под Москвой. Этот важнейший стратегический манёвр войны, обеспечивший разгром немецких армий на подступах к Москве, не был, однако, известен большинству историков, так как осуществлялся лишь на основании устных приказов Верховного главнокомандующего командующему Дальневосточным фронтом генералу армии Иосифу Родионовичу Апанасенко. Сталин лично знал Апанасенко ещё с 1918 г. по Царицынскому фронту в Гражданской войне. Секретность и скрытность этого манёвра, который не заметили даже японцы, спасала Дальний Восток от возможного нападения японской Квантунской армии, имевшей около миллиона солдат и сконцентрированной на границе СССР и Маньчжурии. Были готовы и главы Роя об убийстве Бухарина и о судьбе матери Сталина, Екатерины Георгиевны. В 2000 г. мне осталось завершить вторую часть книги «Сталин и ядерное оружие», состоящую из трёх глав. Некоторые очерки по этой проблеме я уже публиковал в прошлые годы в газетах и журналах. Однако в 1999 г. Министерство Российской Федерации по атомной энергии осуществило публикацию ограниченным тиражом обширного трёхтомного издания «Атомный проект СССР», в котором были собраны все секретные постановления Совнаркома, подписывавшиеся Сталиным, и все Протоколы заседаний «Специального комитета» при Совнаркоме СССР, подписывавшиеся его председателем Л. Берия, более тысячи, нередко достаточно обширных документов, которые разворачивали картину создания в Советском Союзе многочисленных объектов атомной промышленности и производства атомных и водородных бомб. Я надеялся, что смогу найти в этих протоколах тексты решений, на основе

которых осуществлялась ликвидация первой серьезной аварии — катастрофы атомного проекта СССР, которая привела к очень большому числу человеческих жертв.

20 января 1949 г. произошло расплавление части урановых блоков первого уранового реактора, зашифрованного в протоколах как «агрегат А». Реактор, запущенный на полную мощность в июне 1948 г., был остановлен примерно в середине цикла, когда, по расчётам его создателей, в загруженных в него 150 тоннах урана, ещё возможно не накопилось достаточно плутония для изготовления первой советской атомной, «плутониевой» бомбы, испытание которой, по решению Политбюро, следовало провести до конца 1949 г. Создание «урановой» бомбы, требовавшее газодиффузного отделения урана-235 из природного урана, состоявшего на 99,3 % из урана-238, задерживалось на несколько лет из-за технических проблем².

Причины и характер аварии первого реактора были достаточно подробно описаны в книге «Создание первой советской ядерной бомбы», изданной в 1995 г. «Энергоатомиздатом» и в свидетельствах Ефима Павловича Славского, бывшего многолетнего руководителя атомной промышленности, опубликованных в 1997 г., через шесть лет после его смерти. В моих очерках в 1998–1999 гг. характер аварии и принятые решения о её ликвидации были уже изложены:

...Урановые блоки через пять месяцев работы реактора обладали колоссальной радиоактивностью, измеряемой миллионами кюри. В них уже накопилось большое количество радионуклидов, делавших эти блоки горячими, с температурой выше 100 °С. Главными гамма-излучателями были изотопы цезия, йода, бария и многие другие...

Устранение аварии требовало полной разборки всего реактора, извлечения из него 39 тысяч урановых блоков, 150 тонн урана, и перезагрузки урана в новые блоки, покрытые более устойчивым к мощному нейтронному облучению анодированным алюминием, срочное изготовление которого поручалось заводам авиационной промышленности. Все работы по «перезагрузке» реактора можно было проводить лишь вручную, и для её реализации требовались тысячи рабочих, летальное облучение которых, и внешнее, и внутреннее — через легкие, было неизбежным. Респираторы и дозиметры в то время не применялись. Их ещё не было.

С перезагрузкой реактора следовало подождать хотя бы три-четыре месяца, чтобы в реакторном топливе произошёл распад короткоживущих радиоизотопов, прежде всего йода-131 с периодом полураспада восемь дней, молибдена-99, с периодом полураспада три дня и бария-140, период полураспада которого составлял 12,5 суток. За три-четыре месяца гамма радиоактивность ядерного топлива могла снизиться в 15–20 раз. Понимал это и Курчатов:

...Предстоял выбор — либо сберечь людей, либо спасти урановую загрузку и сократить потери в наработке плутония. Руководством ПГУ (Берия и его заместитель А.П. Завенягин) и научным руководителем (И.В. Курчатов) было принято второе решение...

Вся работа по извлечению из реактора 39 тысяч урановых блоков — 150 тонн урановой начинки реактора заняла 34 дня. Каждый блок требовал визуального осмотра...

² В США урановая бомба была изготовлена и испытана раньше плутониевой. При атомных бомбардировках Японии в августе 1945 г. Хиросима была разрушена урановой бомбой, Нагаоки — плутониевой. — *Примеч. автора.*

В записанных воспоминаниях Ефима Павловича Славского, бывшего в 1949 г. главным инженером аварийного реактора свидетельствуется:

Решалась задача спасения урановой загрузки и наработки плутония самой дорогой ценой — путем неизбежного переоблучения персонала. С этого часа весь мужской персонал объекта, **включая тысячи заключённых** (выделено мною. — *Ж.М.*), проходит через операцию выемки труб, а из них частично повреждённых блоков; в общей сложности было извлечено и вручную переработано 39 тысяч урановых блоков... Никакие слова не могли в тот момент заменить силу личного примера. И. Курчатов первым шагнул в ядерное пекло, в полностью загазованный радионуклидами центральный зал аварийного реактора. Возглавил операцию разгрузки поврежденных каналов и дефектацию выгружаемых урановых блоков путем личного поштучного их осмотра... Еще хорошо, что он переборкой блоков занимался не до конца, если бы досидел тогда в зале до финиша — мы бы его тогда и потеряли... (Славский, 1997, с. 9).

Работа по разборке реактора шла круглосуточно, сменами по шесть часов. Одну из смен в центральном зале реактора провёл генерал-лейтенант Авраамий Павлович Завенягин, первый заместитель Берии. (Курчатов и Завенягин получили за неполную смену очень большие дозы облучения и в последующие годы страдали от лучевой болезни. По свидетельству Славского, Курчатов получил лучевое поражение средней тяжести. Завенягин разборкой блоков не занимался и ободрял работающих своим присутствием в генеральской форме. В «дефектации» урановых блоков принимал личное участие профессор Борис Никитин, директор радиохимического завода по выделению плутония («объект Б»). Переоблучением можно, по-видимому, объяснить и их раннюю смерть: Завенягина — в 55 лет, Курчатова — в 57 лет. Никитин умер в возрасте 46 лет в 1952 г. именно от лучевой болезни).

Я подчеркнул в цитате из моего очерка и проекта главы, что основную работу по разборке блоков реактора проводили «тысячи заключённых». Вокруг «объекта» находилось несколько лагерей, заключённых, в основном из «остарбайтеров», репатрированных из Германии советских граждан, и военных строителей, также, практически заключённых, солдат в основном из «штрафных» батальонов, которых не демобилизовывали после окончания войны, а направляли на разные секретные стройки. Об адресах и судьбах этих людей никто тогда не знал, даже их самые близкие родственники. У них не было права на переписку.

В новых томах «Атомного проекта», изданных в 1999 г., я попытался найти какие-то сведения о судьбе «тысяч заключённых», которые проводили ручную разборку аварийного реактора и последующую перезагрузку урановых блоков в изготовленные из анодированного алюминия блоки — ТВЭЛы (тепловыделяющие элементы). Летальную дозу облучения в такой работе получали практически все, возможно, что за одну или две смены. Больниц, где их могли бы диагностировать и лечить или просто содержать, в Челябинской области, да и на всем Урале, в то время не было.

В новых томах «Атомного проекта СССР» я попытался найти какие-то решения «Специального комитета», связанные с этой аварией. Заседания проводились каждый месяц под председательством Л. Берии. «**Протокол № 71**», датирован 6 декабря 1948 г. На этом заседании было принято 20 решений. «**Протокол № 72**» датирован 30 декабря и содержал 17 решений. Авария реактора начала развиваться в середине января 1949 года, и реактор был остановлен 20 января. Разборка реактора была начата в конце января. Никаких решений, связанных с этой критической аварией главного объекта

всей атомной программы, не публиковалось, а может быть, и не фиксировалось в письменном виде, хотя Сталин был информирован и Берия срочно прилетел на «объект», где уже находились почти все члены «Специального комитета». Следующий «**Протокол № 73**» датирован 18 февраля 1949 г. В это время всё ещё продолжалась «дефектация» повреждённых урановых блоков. Поэтому среди принятых решений пункт «а» говорил «о замене всех технологических труб с односторонним анодированием на технологические трубы с двухсторонним анодированием поверхности труб (отв. Ванников и Курчатов)». Однако никаких других решений по возникшей проблеме не протоколировалось. Они, безусловно, решались лишь устными распоряжениями и приказами. Документировать их было признано, по-видимому, нецелесообразным.

Реконструированный реактор возобновил работу в марте. Разгрузка реактора производилась по проекту сбросом блоков с наработанным плутонием в находящийся под реактором пруд-охладитель. Здесь они выдерживались какой-то срок для распада наиболее опасных короткоживущих радионуклидов и затем шли на «объект Б» — завод по выделению плутония. Срок этой «выдержки» был сильно сокращён. Это создавало много проблем для сотен радиохимиков, среди которых преобладали женщины. Выделение плутония из выгоревшего уранового топлива — это очень сложная работа, которую может осуществить лишь квалифицированный персонал. План по производству чистого плутония был выполнен. Его хватило на одну бомбу, РДС-1 («Россия делает сама»). Она была успешно испытана 29 августа 1949 года на Казахстанском полигоне. Вторая бомба, РДС-2, большей мощности, испытывалась 24 сентября 1951 года. Судьба тысяч ликвидаторов первой аварии, получивших летальные дозы облучения, остаётся неизвестной. Воспоминаний о них никто не оставил.

Геннадий Иванович Скляр

События, в которых участвовал Геннадий Скляр, начались в августе 2000 г. и продолжались около двух лет, сыграв очень существенную роль в реализации реформ в современной России. Между тем они не обсуждались в прессе и остаются неизвестными. Сам Геннадий Скляр также остался незамеченным, хотя его роль в реорганизации средств массовой информации России, основными из которых являлись телевидение и радиовещание, отобранные у олигархов и возвращенные под контроль государства, была решающей. Незаметность этой реформы послужила, впрочем, и основой её успеха.

Геннадий Иванович Скляр, инженер-конструктор, работавший в 1980-х гг. на обнинском оборонном приборном заводе «Сигнал», в 1990—1991 г. был избран Первым секретарем обнинского горкома КПСС. Я познакомился с ним на «учредительном» собрании новой Социалистической партии трудящихся (СПТ), состоявшемся в Москве в клубе завода «Компрессор» 26 октября 1991 г. (см. главу 79). Одним из основателей партии и её идеологом был Рой Медведев. На первом съезде СПТ в декабре 1991 г. Геннадий Скляр был избран сопредседателем партии. Мы с Ритой, как я уже писал раньше, в начале 1995 г. купили двухкомнатную квартиру в Обнинске и жили в ней во время приездов в Россию. Геннадий Скляр с женой жили недалеко от нас на том же проспекте Маркса в скромной двухкомнатной квартире на девятом этаже, и я часто его посещал. Геннадий Иванович работал в то время в администрации мэрии города. Осенью 1995 г.

Скляр был выдвинут кандидатом в Государственную Думу от одномандатного Калужского округа. Я тогда внёс небольшую сумму в его выборный фонд. Однако у Скляра на этих выборах было много соперников, и он не был избран (см. главу 92). Такая же участь постигла его и на выборах в Государственную Думу в 1999 году.

В ноябре 2000 г. руководство СПТ решило устроить относительно скромное чествование Роя Медведева в связи с его 75-летием. Оно проходило в небольшом ресторане на Новослободской улице. Здесь я, тоже юбиляр, снова встретил Геннадия Ивановича, и он рассказал мне о неожиданном приглашении в октябре на приём к Владимиру Путину. Цель приглашения не объяснялась. Рой, знавший обстановку в Кремле лучше нас, объяснил, что это приглашение к Путину означало намерение лично познакомиться и возможность назначения Скляра на какую-то ответственную должность. В таких случаях друзья, помощники и члены администрации президента предлагают разных кандидатов. Но Путин всегда выбирал сам после беседы с каждым из них.

Прощаясь со Скляром после дружелюбной беседы, Путин неожиданно спросил — «А где Вы храните свой партийный билет?» (речь шла о партбилете члена КПСС). «В ящике письменного стола», — ответил Скляр.

«Правильно, — сказал Путин, — я тоже храню мой партбилет в столе среди личных документов».

Геннадий Скляр получает государственный пост особой важности

Продолжение рассказанной выше истории произошло уже в 2001 году. Но её началом, как я понимал, был вызванный коротким замыканием пожар на знаменитой Останкинской телебашне в Москве 27–28 августа 2000 г. С высотой 540 метров эта башня в то время была самым высоким сооружением в мире. Погибли три человека: два пожарника и лифтерша. Телевизионное вещание из Москвы было прервано на неделю. Телевизионная вышка считалась государственной собственностью, но какого-то управления передачами многочисленных приватизированных телеканалов и студий уже давно не было. Сотрудники телевышки, в основном с техническими знаниями, обслуживали многочисленные частные телестудии. Первым главным каналом, который по традиции смотрела и слушала вся страна, был в то время ОРТ («Общественное российское телевидение»), которое, однако, уже не было «общественным». Контрольный пакет его акций принадлежал Борису Березовскому. Этот канал обеспечивал до 2000 г. поддержку президента Ельцина. Вторым по значению каналом, имевшим выход и на зарубежную аудиторию, стало с 1993 г. НТВ («Независимое ТВ»). Основателем и владельцем этой компании был олигарх Владимир Гусинский. НТВ входило в его медиаимперию «Мост». НТВ и «Мост» находились в оппозиции Ельцину, особенно при освещении событий в Чечне. В 2000 г. и ОРТ, и НТВ при ежедневных репортажах, связанных с гибелью атомной подводной лодки «Курск», а их смотрела тогда вся страна, очень резко и необъективно критиковали президента Владимира Путина.

Летом 2001 г. Геннадия Скляра снова пригласили в Кремль в кабинет Путина. Я узнал об этом от Роя и подробностей беседы не знаю. Путин, разобравшись к этому времени с общей анархией в деле радиовещания и телевидения, создал своим указом новое федеральное государственное управление «Российская телевизионная и радиовещательная сеть» (РТРС), в собственность которой передавались большая

часть всех телевизионных вышек от Калининграда до Камчатки, 9362 телевизионных и 2636 радиопередатчиков и около 8000 антенно-мачтовых сооружений. Была введена дифференцированная оплата услуг. «Доставка сигнала — это стратегический ресурс и ее нельзя отдавать в частные руки», — объяснил Путин в беседе с Геннадием Скляр. Указом Путина Геннадий Скляр назначался директором новой компании. Эта компания, в штатах которой насчитывалось 24 тысячи сотрудников по всей стране, была самостоятельной и не входила в состав правительства. Геннадий Скляр подчинялся лично Путину, мог обращаться к нему напрямую и в последующем встречался с ним много раз. Я предполагал, что выбор Путина объяснялся не только личными достоинствами и административным опытом Геннадия Склера, но и его технической квалификацией. Завод «Сигнал» в Обнинске, на котором долго работал Скляр, специализировался на изготовлении приборов электронной системы контроля радиационной безопасности для атомных электростанций и атомных подводных лодок и ледоколов. Путин и Скляр, к тому же, были людьми одного возраста, каждому из них исполнилось в 2001 году по 49 лет. После «советской» карьеры оба работали в мэриях.

Геннадий Скляр сумел сделать работу новой компании прибыльной. Часть платежей за рекламы шла, по-видимому, в бюджет РТРС. Именно рекламы являлись главными источниками прибыли ОРТ и НТВ, и Геннадий Скляр распоряжался выделяемым для них временем. Березовский и Гусинский в 2001 г. уже покинули Россию и жили за границей: Березовский в Англии, Гусинский в Испании. В 2001 г. Геннадий Скляр переехал из Обнинска в Москву.

Первая книга о Путине

Рой, как историк, был известен в западных странах, с 1989 года в СССР, а затем и в России прежде всего книгами о лидерах страны (Сталин, Хрущёв, Брежнев, Андропов) и очерками о её основных политических фигурах. Эти книги не были биографиями, а излагали и анализировали деятельность лидеров и политиков и связанные с нею события. С конца 1999 г. главное внимание Роя и многих других авторов привлекало, естественно, Владимир Путин. К началу 2000 г. Рой уже опубликовал несколько очерков о политике Путина, в основном связанных с событиями в Чечне.

После официальной инаугурации Путина в мае 2000 г. стала формироваться программа государственных визитов президента, последовательность которых отражала по традиции приоритетную важность для России тех или иных стран. Первый официальный визит 17–19 июля состоялся в Китайскую Народную Республику. Вторым государственным визитом в начале сентября намечался в Японию, третий, в начале октября, — в Индию. Также в октябре Путин планировал визит в США, но он готовился как «рабочий». Это означало, что торжественную встречу с красной ковровой дорожкой и почётным караулом для российского президента в США не готовили.

У Роя к концу мая уже была закончена первая небольшая книга «Загадка Путина», которую печатало дружеское издательство «Права человека», директором и собственником которого был наш друг Игорь Николаевич Зайцев, японовед, работавший в кооперации с небольшим японским издательством «Гэндай ситё-ся» в Токио, директором и владельцем которого была Казуко Ватанабе. Я встречался с ней и с сотрудниками издательства во время поездки в Японию в 1997 году (см. главу 97).

В письме от 27 мая Рой сообщал:

...В среду я закончил вычитывать корректуру книги о Путине — получилась аккуратная книжечка в 90 страниц, её издательство хочет выпустить быстро — до 10 июня, тиражом в 3 тысячи. Но уже есть предложения издать большим тиражом и продавать по всей стране... Книгу запросили из Токио в том же издательстве и туда все отправили электронной почтой...

В июне-июле Рой быстро подготовил второе, расширенное издание, так как произошло много событий, особенно в отношениях Путина с олигархами. Был арестован по обвинению в отмыванию денег и неуплате налогов Гусинский. После нескольких дней, проведённых в Бутырской тюрьме, он был освобождён с подпиской о невыезде из страны. В июле около 20 олигархов были приглашены в Кремль на встречу с Путиным, где они получили предупреждение. Детали состоявшейся беседы не публиковались. Ясно было лишь одно — олигархов предупредили о соблюдении законов и отключили от вмешательства в политику.

Дополненная версия книги имела уже другой заголовок «Время Путина?». Но в Японии уже срочно перевели и издали первый вариант. В письме от 30 августа Рой сообщал:

В Японии издали книгу «Загадка Путина». У них хорошая книжка в твердом переплете с суперобложкой в 153 страницы. Меня в Посольстве попросили подписать две книги премьеру и даже императору Акахито и подписать им небольшое письмо, и все это срочно отправили через посольство в Токио. Позднее мне скажут о судьбе этих книг. Это пиар для издательства...

Рой также дополнял: «В США Норма Брейн из Госдепа начала переводить книгу о Путине... Ее муж бывший заместитель посла США, я с ними общался в конце 70-х. Он был потом послом США в Грузии, сейчас вице-президент огромной табачной корпорации...»

Однако в США перевод книги Роя о Путине готовился лишь для «служебного пользования» и в коммерческие издательства не поступил. Никаких предложений об издании книги Роя о Путине из западных стран не приходило, хотя я разослал экземпляры в издательства, с которыми мы в прошлом сотрудничали. Рой объяснял это достаточно просто:

...Я вижу сам, что на Западе друзей у России нет. Там крайне удивлены и раздражены тем, что и после распада СССР Россия оказалась великой державой, с которой надо считаться и которая создает для Запада слишком много проблем. Но у России есть пространство для маневра и на Востоке, и на юге, а кое в чём Россия очень нужна Западу. В России происходит поворот — все левые и коммунистические, патриотические и националистические группы и газеты начинают поддерживать Путина, а правые группы — Немцов, Хакамада, Явлинский поворачивают против Путина. Чубайс придерживается нейтралитета, а Кириенко выступает за Путина. Примаков также поддерживает Путина, Лужков колеблется...

6 сентября в Москве открывалась традиционная Международная книжная ярмарка. Новое издание книги Роя «Время Путина?» было выставлено на презентацию в павильоне «Библио-глобуса» — так назывался теперь московский магазин «Книжный мир», самый большой в СССР и в России. У Роя была встреча с читателями и сессия с подписанием книги её покупателям.

Выбор новых тем

В 2000 г. я постепенно сократил работу по проблемам экономики и политики в России. К концу года стало очевидным, что Владимир Путин останется у власти надолго. Все темы и проблемы, связанные с его деятельностью, Рой мог освещать быстрее, полнее и лучше меня. Путин как-то очень быстро перешёл из положения «избранного президента», что подразумевало западную модель демократии и означало ограниченное каким-то сроком президентское или премьерское правление, к положению «национального лидера», которое никакие перевыборы уже не могли изменить. Национальными лидерами, или даже «вождями», были в недавнем прошлом Сталин, Мао Дзэдун, Дэн Сяопин, Хо Ши Мин и маршал Тито, а в настоящее время и Фидель Кастро. Однако их власть базировалась на коммунистической идеологии, однопартийности и криминализации оппозиции. К ним подходило бы и определение «диктатор», хотя от большинства диктаторов их отличало отсутствие главной опоры на армию, как у генералов Франко и Пиночета, или религию, как у аятоллы Хомейни. Путин стал национальным лидером в условиях демократии. Этого в Западном мире достигли в недавнем прошлом лишь Франклин Рузвельт, Де Голль и Конрад Аденауэр, а в других странах Махатма Ганди, Гамаль Насер и Нельсон Мандела. Но в отличие от всех других национальных лидеров, приходивших к власти в политической борьбе долгим и трудным путем, Путин пришёл к власти без политической борьбы — путём назначения и в условиях кризиса. Но он получил доверие народа почти сразу. Ему доверились не как «великому», а именно как простому, понятному, надёжному и решительному человеку. Патриотизм Путина был очевиден. У Путина не было властолюбия Ельцина, безволия Горбачёва, болезни Андропова, тщеславия Брежнева, реформаторской лихорадки Хрущёва, жестокости Сталина или «революционной» харизмы Ленина.

В последние годы я кооперировал с большим числом журналов и газет, выходящих в разных регионах России и в Украине. Теперь я сообщал редакторам, с которыми у меня была переписка, что буду постепенно менять тематику и чаще писать о проблемах питания, здоровья и долголетия, то есть по темам моей профессиональной биохимической и геронтологической квалификации. В этой переписке возникали и специфические предложения. Главный редактор «Амурской правды» (Благовещенск) Н.Л. Савин, например, написал (письмо было без даты):

Редакция была бы признательна Вам за материалы (желательно с фотоснимками), которые познакомят читателей с повседневной жизнью лондонцев. Темы могут быть разнообразны: например, сколько стоит в Англии родиться, креститься, жениться и умереть с упором на местные традиции и финансовые возможности разных слоев населения. Или везде ли в Англии платное обучение, здравоохранение и т. д. Где лондонцы отдыхают, кушают, готовят ли сами. Как относятся в стране к начинающим предпринимателям, инвалидам с детства, ветеранам войны, больным СПИДом, матерям-одиночкам... Насколько опасны ночные улицы Лондона, как борются в стране с детской преступностью и бродяжками... статьи не должны быть сложными — нужно сделать так, чтобы жители Амурской области совершили заочное путешествие по сегодняшней Англии...

Я послал в «Амурскую правду» и в некоторые другие областные газеты очерк «Бомжи Лондона», который был у меня готов, с фотографиями спящих в спальных мешках бездомных, которых можно было обнаружить в подъездах и возле витрин, закрытых от дождя, в центре города, даже на Пикадилли, и объяснил историю и при-

чины высокого уровня бездомности именно в Лондоне. Но устраивать «заочное путешествие» российских читателей по Англии я не мог. Обойтись в этом случае без сравнений и критики традиционной российской действительности было бы невозможно. В Англии, например, в повседневной жизни совершенно не было даже попыток дачи взяток дорожным полицейским или медицинским работникам — обычных случаев в Москве или в Твери³. Образование и здравоохранение в Англии были для большинства населения бесплатными, хотя более состоятельные граждане предпочитали платные клиники и частные школы для своих детей. Частных университетов, распространённых в США, в Великобритании не было. Большая разница существовала и в отношении к престарелым. В Англии о них действительно заботились. Я ходил по тротуарам с палочкой и немного хромал. От ближайшей остановки автобуса до нашего дома было около километра. Нередко возле меня останавливалась машина, и водитель предлагал подвезти домой. В вагонах метро и в автобусах сразу уступали место. В Москве, во всяком случае, в 1990-е гг. таких явлений почти не было. Во всех районах Лондона было много «charity shops» — благотворительных магазинов, в которые граждане приносили бесплатно множество полезных вещей и книг. Продавцы этих магазинов были добровольцами, без зарплат, часто пенсионерами. Кое-что покупали в таких магазинах и мы, обычно книги. Прибыль от продажи приносимых вещей по очень дешёвым ценам шла в фонды изучения и лечения рака, психических заболеваний, обществ слепых и глухих, помощи бездомным и инвалидам с детства, в дома для престарелых и на другие аналогичные цели, включая питомники для оставшихся без умерших или заболевших хозяев бездомных собак и кошек. Просьбы о пожертвованиях в разные благотворительные фонды часто приходили и по почте. Мы на них откликались скромными чеками. Это были пожертвования в «Красный Крест», обществ инвалидов войн, защиты природы.

«Посторонись дед!» — рывкнул на меня автомобилист в Твери на улице без тротуаров и без асфальта. По таким улицам в небольших британских городах был бы закрыт проезд, прежде всего для автомобилей. «Куда прёшь старик!» — это я слышал и в метро от молодых парней. Сказывалась разница в общей культуре. Но и в Лондоне, особенно в его южной части за Темзой, имелись районы, где было опасно ходить не только ночью, но и днем. Здесь не было даже полицейского патрулирования, и процветали наркоторговля, проституция, подпольные казино. Ночную жизнь Лондона я не знал. В Англии законы в основном уважались и соблюдались, в России, во всяком случае, в 1990-е гг., этого не было. Писать на такие темы очерки в областные газеты я не мог.

Здоровье, возраст и питание

С конца 2000 г. я стал писать очерки о проблемах питания, специфических, прежде всего, для людей пожилого и старого возраста. Разделы о питании имеются во многих журналах и еженедельных газетах. Они популярны и среди читателей. В каждом номере таких журналов, как «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», или в многотиражном еженедельнике «Аргументы и факты» можно найти статьи о разных диетах, причём далеко не всегда написанные компетентными специалистами. Множество рекомендаций

³ За попытку дать взятку полицейскому в Англии последовал бы немедленный арест, до года тюрьмы и лишение водительских прав только на основании свидетельства полицейского. — *Примеч. автора.*

имеют, преимущественно, рекламный характер. Почти никогда нет дифференцированных советов для людей разного возраста, хотя их потребности существенно различаются.

В 1998 и в 1999 гг. я уже опубликовал две популярные геронтологические статьи в новом небольшом ежемесячном журнале «Будь здоров», которые, независимо от этого журнала, печатались и в некоторых областных газетах. Вторая из этих статей «Парадоксы геронтологии» печаталась в мартовском номере журнала. Появление журнала «Будь здоров» в 1993 г. было инициативой Стива Борисовича Шенкмана — журналиста, основавшего издательскую группу «Шенкман и сыновья» специально для публикации работ о здоровье. Генеральным директором этого акционерного общества стал его сын Борис Стивович Шенкман, биохимик и доктор биологических наук. С 2000 г. к журналу добавилось также ежемесячное приложение «60 лет не возраст», специально для пенсионеров. Журнал приобрел популярность, его тираж превысил 100 000 экземпляров. С 2001 г. я начал активно сотрудничать с этим журналом, продолжая при этом публикации в областных газетах и еженедельниках. По традиции я всегда посылал свои очерки прежде всего в еженедельник «Тверские ведомости», редакцию которого я посещал в каждый приезд в Россию. В Твери жили сестра и брат Риты с семьями и наши внуки с мамой. Здесь были могилы родителей Риты и нашего Саша, которые мы посещали. В Твери посещение кладбищ и уход за могилами были старой традицией. Мы приезжали в Россию только раз в год, обычно на один-два месяца, и первую неделю поездки всегда проводили в Твери. Моей начальной статьей в новой серии был очерк «Углероды на долгие годы». Второй был посвящён жирам. Свообразным бестселлером стал очерк «Холестерин — друг или враг?», я его несколько раз дополнял. Он сразу широко распространился через Интернет⁴. Успех этой серии очерков привёл меня к решению готовить на эту тему и книгу. С 2001 г. я снова стал посещать библиотеку Института, в котором я работал до 1991 г. Здесь к полкам книг в основном зале добавился и компьютерный зал с инструктором, помогавшим и штатным сотрудникам, и пенсионерам. Поиск необходимой информации значительно облегчился и ускорился.

**“100-year anniversary of N.V. Timofeev-Ressovsky”
(Chapter 103 of the unpublished memoirs of Zhores A. Medvedev
“A dangerous profession”)**

ZHORES A. MEDVEDEV

In this chapter of Zhores A. Medvedev's memoirs “A Dangerous Profession”, the scientist tells about the events of 2000. At the beginning of the chapter he remembers about his participation in various memorial conferences and symposia dedicated to the 100th anniversary of Nikolai Vladimirovich Timofeev-Ressovsky's birth, conducted in various scientific centers in Russia. Medvedev then tells about the preparation for publication, with his brother Roi Medvedev, of a new book, “The unknown Stalin”. In 2000, Zhores Medvedev was finishing the second part of the book, entitled “Stalin and the nuclear weapon”, in which he recounted the first nuclear accident in the USSR, which happened in 1949, and its terrible consequences. In the next sections, the author tells about the political career of G.I. Skliar, the former co-chair-

⁴Желающие могут найти его в Сети и сейчас просто по заголовку. — *Примеч. автора.*

man, along with R.A. Medvedev, of the Socialist Workers' Party. Starting from 2000 and in the course of two years, he played an important role in the realization of reforms in contemporary Russia. Further, Medvedev describes how, starting from 1999, his brother Roy Medvedev wrote a book on V.V. Putin. His first book, "Putin's enigma", was successful in Russia and abroad, which led the author to publish an enlarged version. At the end of the chapter, Medvedev explains why in 2000 he cut down on his work on economic and political questions and turned to the writing of essays on questions of nutrition, specifically applied to elderly people.

Keywords: Zhores A. Medvedev, Roy A. Medvedev, Nikolai V. Timofeev-Ressovsky, Iosif V. Stalin, atomic project, Gennady I. Skliar.⁵

⁵The summary and keywords of publishing editors — *an editor's note*.